

Юлия Федотова

Тьма. Испытание Злом

Смотришь в книгу, видишь... Страаашно!

Юлия Федотова

Юлия Федотова

Тьма.
Испытание
Злом

Роман

Москва, 2011
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ГЛАВА 1,
в которой Йорген фон Раух совершает неожиданную покупку

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах...

А. С. Пушкин

Все началось с того, что Йорген эн Веннер эн Арра фон Раух, ланцтрегер¹ Эрцхольм, начальник столичного гарнизона Королевской гвардейской Ночной стражи, ни с того ни с сего купил раба.

Зачем? Именно этот вопрос он задал себе сразу после заключения сделки, но внятного ответа на него дать так и не смог.

Зачем вообще люди покупают рабов? Первое, что приходит в голову, — для хозяйственных нужд. Вот только какое может быть домашнее хозяйство у двадцатилетнего парня, состоящего на военной службе? Комната при казарме, отдельная, не без изящества обставленная, но не настолько просторная, чтобы для ее содержания требовался специальный человек, вполне хватало одного дневального. К слову, здесь же, при казарме, имелись неплохая поварня и прачечная. Возможно, кто-то брезгливо сморщит нос: «Фи! Вместе с солдатами! Из одного котла!» Но фон Раух, отнюдь не склонный к снобизму, на подобные мелочи внимания не обращал, жизненным укладом своим был вполне доволен и перемен в нем не искал.

Еще одна причина, по которой молодые отпрыски знатных родов частенько обзаводятся невольниками, — это любовная

---

¹ Здесь и далее см. Приложение.

переписка. Куда удобнее иметь под рукой собственного писаря, нежели бегать с каждым посланием к наемному, платить по монете за строку, да еще и за конфиденциальность переживать. Однако и в писаре у Йоргена нужды не было. По двум причинам. Обзавестись дамой сердца он не успел. Зато грамотой овладел в совершенстве, а заодно и еще несколькими науками, совершенно лишними для человека его сословия.

Вот только человеком Йоргена фон Рауха можно было назвать с большой натяжкой. Лет тридцать назад подобных ему именовали — кто с пренебрежением, а кто и с опаской — хальбблут, полукровка. Но с тех пор как мудрейший Хаген III, отец нынешнего правителя, издал судьбоносный «Указ о священном равенстве народов и языков» и положение каждого подданного Эренмаркской короны стало определяться не расовой принадлежностью его рода, но исключительно степенью знатности, мерзкое слово было выведено из употребления под страхом виселицы.

Слово исчезло — но суть осталась. И к потомкам смешанных браков окружающие продолжали относиться с некоторой настороженностью. Не потому что люди лучше альвов и нифлунгов или наоборот — упасите вас боги такое подумать, тем паче высказать вслух! А потому что никогда не угадаешь, как именно полукровки себя поведут — как люди, как альвы или как нифлунги. И чистокровным их трудно понять. непонимание приводит к отчуждению. Родись средний сын сиятельного ландлагенара Норвальдского Рюдигера фон Рауха человеком, богатство отца и древность рода непременно сделали бы его важным вельможей, одним из особо приближенных молодого короля Видара. Будь первенец фроа Олры эн Арра нифлунгом — со временем вышел бы в ученые мужи либо колдуны благодаря наследственной живости ума и неплохим магическим способностям. Полукровке Йоргену пока не оставалось ничего другого, как командовать Ночной стражей столицы.

С одной стороны, должность не из последних, достаточно важная для того, чтобы отцовское самолюбие ландлагенара Рюдигера не страдало. С другой же...

Казалось бы, в чем разница между дневной и ночной стражей? Те же чины и привилегии, одинаковые доходы, единый устав. Но почему в дневную стражу так и рвутся отпрыски благородных семейств, простыми караульными рады устроиться, а в ночную палками загоняют всякий сброд из отчаянных? Причина проста. Дневная служба — это парады и марши, показательные разводы караула перед королевским дворцом. Ночная — страх и кровь, смертельная опасность, подстерегающая за каждым углом. Впрочем, Йоргена фон Рауха такая расстановка устраивала как нельзя лучше, парадные марши и прочие экзерциции он с детства терпеть не мог...

Но вернемся к его странному приобретению.

Третья причина, толкающая мужчин на покупку живого товара обоих полов, имеет свойство крайне низкое, в приличном обществе о таких вещах вслух не говорят. И не сносить тому головы, кто рискнул бы заподозрить Йоргена фон Рауха в подобных намерениях.

В общем, с какой стороны ни смотри, раб ему был абсолютно не нужен. Однако он его купил.

Стоял гадкий весенний вечер. Красным шаром висело на небе предзакатное солнце, отражалось зловещими огненными отсветами в оконных стеклах и пластинах слюды. Из воюющих подворотен падали длинные синие тени, от них веяло зимним холодом. Ветер дул с моря порывами, срывал шапки с запоздалых прохожих, раскачивал тела висельников на рыночной площади, они дергались как живые, и черные вороны кружились над ними, не решаясь присесть.

Ни один уважающий себя начальник в такую погоду *лично* в дозор не вышел бы, отправил подчиненных.

— Эй, командир, тебе-то что под крышей не сидится? — окликнул Йоргена старший разводящий Кнут. Обращение было отнюдь не уставным, но они слишком много раз спасали друг другу жизнь, чтобы соблюдать глупые условности. — Ладно мы, люди подневольные, но ты-то сам себе хозяин, неужто охота мерзнуть?

Ответом ему был печальный вздох. Вовсе не мерзнуть хотелось Йоргену, а спать, потому что минувшей ночью случилось серьезное сражение у северных ворот, а наутро королю Видару приболело устроить импровизированный рыцарский турнир. Обычно среднего сына ландлагенара Рюдигера к дворцовым развлечениям не привлекали, довольствовались обществом старшего, лагенара Дитмара (младший, богентрегер Фруте, по молодости лет пока не был взят ко двору). А тут, как назло, вспомнили! Как ни старался Йорген отвертеться, ссылаясь на то, что в рыцари не посвящен, — не удалось. И вместо заслуженного отдыха пришлось целый день бездарно махать мечом и копьем. Но это еще полбеды. Потому что за турниром всегда следует бал. И вот что удивительно. Как только дело доходило до танцев, изящно сложенный, ловкий и проворный Йорген, даром что рожден был от женщины-нифлунга, становился неуклюжим аки деревенский увалень: в такт музыке не попадал, не умел запомнить ни одной фигуры и на ноги дамам наступал так часто, что те начинали подозревать его в дурном умысле. Ясно, что балы к числу его любимых развлечений не относились, и, отправившись в дозор, он просто предпочел меньшее из зол.

... — Йорген, милый, ну почему вы такой дикарь? — пристала к нему принцесса Фрида, кузина молодого короля и жена канцлера, махтлагенара Гернота. — Нам всем так не хватает вашего общества...

Ха! Как бы не так — «всем»! Просто канцлер Гернот был человеком хоть и достойным во всех отношениях, но уже очень пожилым. Супруга же его, чудесно сохранившая к тридцати пяти годам красоту молодости, отличалась нравом пылким и страстным, ей нравилось окружать себя юными кавалерами. Те в свою очередь охотно поддавались чарам принцессы, без оглядки бросались в пучину придворных страстей, интриг и сплетен. Но для Йоргена фон Рауха эта стихия была абсолютно чуждой.

— Ах, простите, мадам, — служба! Безопасность короны превыше всего!

В общем, отговорился. Но отдых снова пришлось отложить. Потому что точно знал: обязательно найдутся желающие проверить, как именно провел эту ночь начальник гвардейской стражи, и донести о том принцессе. И если будет обнаружен обман, в следующий раз его точно загонят в бальный зал, не отвертится уже! Принцесса Фрида прекрасно умела решать свои проблемы через кузена-короля.

— Да, — сочувственно покачал головой старший разводящий, выслушав рассказ начальника, — балы — дело мудреное. Я видел раз, как господа танцуют, это ж целая наука! То вправо повернись, то влево, то присядь, то встань, да в собственных ногах надо как-то не запутаться... В дозоре оно, конечно, проще.

— А я бы лучше на бал сходил... — влез в разговор начальников Рыжий Вольфи, самый молодой из гвардейцев фон Рауха. — Тепло, светло, музыка всякая. Бабы... — Тут голос его мечтательно дрогнул.

Тяжелая рука Кнута звонко щелкнула парня по рыжему стриженному затылку.

— Дурень! Какие «бабы»?! «Благородные дамы» надо говорить! И вообще, кто тебе позволил чесать языком в присутствии старших?! Учишь, учишь вас, остолопов деревенских...

— Да ладно, оставь его, — лениво перебил Йорген. — Пусть себе болтает. Скучно! — Порядки в Ночной гвардии всегда были вольными, так было заведено задолго до него, и менять их он не собирался.

Воодушевленный поддержкой высшего начальства, Вольфи принялся самозабвенно болтать. Он вспоминал свою деревню Плешивые Холмы в ландлаге Морунг, откуда был завербован обманом и забрит в рекруты, имея неполных шестнадцать лет от роду. Должно быть, парень здорово скучал по родному дому. Йоргену довелось однажды проезжать по тем местам — они показались ему бедными и унылыми. Но по словам Вольфи выходило, что нет во всем королевстве более благодатного края. Там и воздух особенный, и вода вкусна необыкновенно, и земля родит богато, и народ живет

добрый, а ночных тварей вовсе мало — хоть возле кладбища после заката гуляй! А уж какие пляски молодежь устраивает на лугу в майскую ночь — никакие балы с ними не сравнятся! А что после тех танцев творится по окрестным кустам и сеновалам...

Но как раз этого-то, самого интересного, слушателям и не пришлось узнать. Разводящий вновь треснул юнца по затылку: должен иметь соображение, какие разговоры дозволено вести в присутствии знатного господина, какие нет, дабы не оскорбить его благородный слух.

На самом деле благородный слух Йоргена фон Рауха, прошедшего в войсках ровно десять лет из своих двадцати, уже ничто не могло оскорбить. Но вмешиваться, снова возражать Кнуту он не стал: старому служаке виднее, как правильно учить молодых солдат.

Рыжий Вольфи покорно умолк. Стало еще скучнее.

...Квартал за кварталом вышагивали стражники по вдоль и поперек исхоженным улицам столицы, громыхали сапогами по брусчатке площадей, увязали в грязи переулков и подворотен. До захода солнца оставалось не меньше часа, и дела у них пока не было, кроме как патрулировать на виду у подданных королевства, чтобы те знали: не спит Ночная гвардия, бережет их покой.

Красное солнце скатывалось все ниже к горизонту. Последние прохожие торопились по домам. Лязгали кованые створы ворот, гремели замки, хлопали тяжелые ставни. Город стремительно пустел.

И только на подходе к рыночной площади наблюдалось необычное для позднего часа оживление. Что-то происходило там, скрытое от взоров стражи спинами зевак.

— Р-разойдись! — громко скомандовал старший разводящий. — А ну по домам все! Жить надоело?!

Люди послушно бросились врассыпную, скрылись с глаз. На площади осталось стоять четверо, они тянули за руки пятого, распростертого на камнях, окровавленного.

— Кто такие? Что творите? Почему беспорядок? — подбавил рыку Кнут.

Четверо отпустили свою жертву, замерли в смиренных позах — знали: с Ночной стражей шутки плохи. Это были дюжие мужики с широкоскулыми лицами уроженцев Дальних Степей, одетые как торговцы, но вооруженные плетками и ножами.

— Да вот, раба бьем, добрые господа! — заискивающе доложил один удивительно тонким голосом.

«Евнух, что ли?» — подумал Йорген с неприязнью.

— Раб едва не сбежал! Поймали, хвала Небесам, теперь учим, — подал голос второй. — Не извольте беспокоиться, добрые господа, сей минут всё приберем! — Он грузно опустился на колени и принялся тереть залитую кровью брусчатку полой своего длинного степного одеяния.

Остальные кинулись ему помогать. Стало противно.

— Да тьфу! — плюнул ланцтрегер. — А ну прекратить! Встать!

Степняки перестали ползать по камням, но на ноги не поднялись, остались стоять на коленях.

— Хозяин где? — Йорген смекнул наконец, что это за народ. Надсмотрщики за рабами. Возможно, сами из их числа — что с ними разговаривать?

Хозяин, крошечный пожилой человечек, смуглый и с бритой головой, явный уроженец Иферта или Хааллы, уже спешил на выручку своим людям, семенил через площадь со стороны торговых складов. Да, живой товар на столичном рынке хранили там же, где и неживой, — в складских помещениях, совершенно для этой цели не приспособленных. И сколько ни жаловались арендаторы, сколько ни толковали о том, что надо бы выделить под рабов отдельные каморы, потому что всякий другой товар после них пропитывается тяжелым духом, дальше разговоров дело не шло.

— Бегу, бегу! Туточки я, добрый господин!

Хозяин упал на колени рядом с надсмотрщиками, ткнулся лбом в землю, оттопырил зад — вот поганая южная привычка! Право, избитый раб сохранял больше достоинства, нежели жалкий его владелец!

Должно быть, это воспитание светлых альвов дало о себе знать. Вместо того чтобы отчитать торговца за нарушение

порядка и взять с него положенное взыскание в размере пяти серебряных монет, Йорген задал вопрос, неожиданный прежде всего для самого себя:

— Сколько стоит твой раб?

Если и был удивлен поведением начальника кто-то из сопровождавших его подчиненных, то виду не подал — он благородный, ему виднее. У торговца же от изумления глаза полезли на лоб. Он хорошо знал хищную породу городских стражей, ждал — бить будут, а то и золота потребуют отсыпать. А вместо того...

— Эй, ты оглох? — ткнул его носком сапога молодой рыжий гвардеец. — Не слышал, что благородный господин спрашивает? Повторять надо? Почему раба отдаешь?

— Я... ой! — залепетал хозяин, не зная, как и быть. С одной стороны, ему страсть как захотелось сбавить с рук беспокойного раба, да подороже за него запросить. Он по опыту знал: у благородных торговаться не принято, какую цену называешь, ту и дают. С другой же... Ладно бы покупатель случайный был, встретились, как говорится, и разошлись, ищи ветра в поле! А то — стражник, да еще, видать, из самых главных! Такой потом из-под земли тебя достанет и шкуру спустит: зачем продал негодный товар?

Несколько мгновений колебался торговец, пока страх не взял верх над жадностью.

— Господин!!! Это плохой раб, совсем плохой! Ничего делать не умеет! Ни по хозяйству, ни писарем, ни услужить как надо. Только хлеб даром ест! Дозвольте, добрый господин, я вам сей секунд другого раба выведу. А этого на галеры за гроши бы сбить иль в рудники куда...

— Сколько, я спрашиваю?

Страж глянул так, что у торговца душа в пятки ушла, только теперь южанин заметил, что господин — полукровка. Альвы, что ли, в родне были, а то и вовсе нифлунги. Тьфу-тьфу, не к ночи будь помянуты!

Больше он не возражал. И цену назвал ниже некуда, лишь бы отделаться и ноги поскорее унести.

— Двадцать крон серебром, господин!

Монеты со звоном без счета высыпались к его ногам. Их было явно больше двадцати.

Стражники ушли. И раба под руки уволокли — тот еще не успел оправиться от побоев.

Трясущимися руками ссыпав монеты в поясной кошель, торговец напустился на своих слуг, принялся стегать их плетью, вымещая испуг: «Вот я вас ужо, мерины! Будете знать дело! Чуть под беду не подвели!» Те стояли, втянув голову в плечи, покорно принимали удары, не пытаясь уклониться. И то сказать — зачем? Пусть тешится хозяин. Силенок у него, как у дитя малого, да через одёжу бьет — боли вовсе никакой, а стыд и потерпеть можно...

— Не было у бабы заботы — купила порося! — посмеивался вслух разводящий Кнут, не смущаясь тем обстоятельством, что в роли «бабы» оказалось высочайшее начальство.

С рабом сразу возникли проблемы. Первое — идти сам он не мог, приходилось вести под руки, как пьяного. Вот картина! Самое то занятие для гвардейцев!

Второе — куда вообще его девать? Не таскать же за собой всю смену? Скоро сгустится тьма, ползут из всех щелей, из тайных своих укрытий ночные твари — только успевай отбиваться, и полудохлый раб в таком деле никак не подмога. Пожалуй, еще и человека к нему придется приставить, следить, чтобы не сожрал кто начальникову собственность! В казарму свести? Крюк большой. Постучать в первую попавшуюся дверь, оставить до утра и велеть хозяевам, чтобы приглядели? Сбежит. Обученные надсмотрщики не уследили, куда там простым горожанам! Это он сейчас ковыляет, ногой за ногу заплетается — а может, нарочно, бдительность усыпляет? Короче, беспокойство одно!

— И зачем ты вообще его купил, командир?! — Кнут не смог сдержать досаду, хоть и понимал, что подает своим подчиненным далеко не лучший пример.

Ланцтрегер Йорген фон Раух поднял на разводящего свои странные янтарно-желтые глаза, помолчал, будто обдумывая ответ, а потом вымолвил:

— Вот и я думаю — зачем?

ГЛАВА 2,

в которой юному гвардейцу Вольфи выпадает немислимая удача, раб лелеет кровожадные мечты, а ланцтрегера Йоргена фон Рауха хотят женить

Тем и отличается начальник от подчиненного, что второй умеет лишь обозначить проблему, первый же знает, как ее решить.

В планы Йоргена фон Рауха отнюдь не входило всю смену таскать за собой по ночным улицам гремящего цепями, склонного к побегу раба. Он живо нашел выход из положения. Велел Рыжему Вольфи, пока окончательно не стемнело, отвести свое приобретение в казарму.

— А как он обратно будет возвращаться в одиночку по темноте? — забеспокоился разводящий. Парень ему нравился, потому что напоминал старшего сына, погибшего в сражении за Керланд. — Сожрут ведь дорогой.

— Не будет он возвращаться. Там, в казарме, и останется. И без него обойдемся как-нибудь.

Веснушчатая физиономия Вольфи озарилась счастливейшей улыбкой и стала выглядеть еще глупее, чем обычно. «Вот везуха так везуха!» — читалось на лице парня, как на странице открытой книги. Уроженец южного ландлага, он как никто другой страдал от пронизывающего холода северных ночей и всякий раз, заступая в караул у ворот или отправляясь на патрулирование улиц, о возвращении в казарму мечтал даже более страстно, нежели о родных своих Холмах.

— Но-но! — прикрикнул разводящий строго. — Ты не очень-то скалься! Обрадовался! Утром будешь нужники чистить, чтобы жизнь медом не казалась!

Разводящего Рыжий Вольфи не слишком-то боялся, поэтому улыбнулся еще шире. Подумаешь, нужники! Первый раз, что ли? Зато в тепле! И выпится как следует, и лишнюю миску каши перехватит поутру — стряпуха Марта всегда щедро расплачивается с тем, кто первым успеет вынести помытые баки и натаскать воды из колодца... И впрямь, не жизнь, а мед благоуханный!

— Пшли уже! — усмехнулся ланцтрегер. Ход мыслей юного гвардейца был ему понятен до тонкостей. — Раба

пока закроешь в карцере. Проследи, чтобы накормили хорошенько, да сам вместо него смотри все не sloпай... Что еще? Да, если попытается сбежать дорогой — можешь пристрелить, я сердиться не стану.

Последнее было сказано нарочито четко и отдельно, специально для иноземца-раба. Чтобы уяснил.

— Слушаюсь! — лихо пристукнув каблуком, козырнул Вольфи. В голосе его звучало неподдельное детское счастье. Потому что вместо одной дополнительной миски наметились по крайней мере полторы. Ведь его милость господин ланцтрегер выразился вполне определенно: «*все не sloпай*», а не «*не sloпай вообще*»!

Удивительно спокойно прошла ночь — с предыдущей не сравнить. Всего три нападения за смену, и те несерьезные!

Зубастая гифта¹ выползла из сточной канавы, тощая, голодная после зимней спячки. Из зловонной пасти стекала едкая слюна, и там, куда падали капли, пенился с шипением бульжник мостовой. Кнут разрубил ее тело напополам одним ударом секиры и останки сжег, чтобы не срослись.

Почему-то все городские обыватели дружно разделяют убеждение, будто гифта — самая жуткая и беспощадная из темных тварей. Должно быть, они судят по внешнему виду. Представьте себе лишенную чешуи серую ящерицу, вымахавшую до размеров теленка и обзаведшуюся длиннорылой песьей головой с хищно полыхающими глазами, выдвинутыми вперед зубами и змеиным языком. Добавьте к этому образу черный щетинистый гребень вдоль хребта, толстые когтистые лапы, раздвоенный шипастый хвост — и вы получите типичную гифту как она есть и содрогнетесь от мерзости.

Казалось бы, ничего более безобразного даже самое больное воображение создать не могло. Однако любой ночной страж вам подтвердит: несмотря на устрашающий облик, гифта — одно из наименее опасных порождений Тьмы. Она лишена разума. Обыкновенное хищное животное,

---

¹ от нем. Gift — яд. Необходимо заметить, что словообразование эренмаркского языка отличается от современного немецкого. — *Здесь и далее примеч. авт.*

примитивное и предсказуемое. Хочет жрать — атакует, сыта — хоть пляшите у нее перед мордой, не шевельнется, пока не почует угрозу. Кроме того, гифта довольно медлительна, и от яда ее давно придумано противоядие. Из чего его варят — человеку лучше не знать, иначе он непременно задумается, что лучше: выпить зелье или помереть от яда, и драгоценные секунды будут упущены. По приказу доброго короля Видара каждый страж должен носить это зелье при себе запаянным в стеклянный сосуд с узким горлышком в жесткой проволочной оплетке. Однако на деле сосуды эти чаще всего прячутся в сундучках с личными вещами. Гифта — старый, привычный враг, укус ее — большая редкость, обычно до этого дело не доходит, разве уж совсем зеленый юнец промашку даст. Гораздо чаще происходит неприятность иного рода. В пылу сражения с какой-нибудь другой тварью владелец нечаянно разбивает свой пузырек — и все! Ближайшие десять дней под крышей казармы ему не спать. Именно столько держится нестерпимая, ничем не смываемая вонь. Говорят, особо чувствительные люди сходили от нее с ума, но это уже из разряда непроверенных слухов и солдатских баек.

Много хуже гифты самый простой шторб¹. Умом он тоже не блещет, но умеет прикинуться нормальным человеком. Сколько раз новички-часовые попадались: встретят на перекрестке плачущую девчонку-сиротку: «Ах, добрый дяденька, проводи до ворот, запоздала, идти боюсь!» Он ее за холодную ручку возьмет, только в подворотню завернут — и нет дяденьки, есть второй шторб. И хуже всего, что он теплый еще, на живого похож. Идет себе как ни в чем не бывало в караулку к сослуживцам — и нет сослуживцев, есть выводок шторбов. В молодости у разводящего Кнута такое в год по три раза случалось, а то и чаще. При Йоргене — ни разу. Здесь ланцтрегер уже сам позаботился, не дожидаясь, пока добрый король Видар сочинит новый указ — к примеру, чесночной настойкой перед дежурством натираться. Их начальник поступил проще, заявив, что «добрые горожане после заката по улицам не ходят» и «задача Ночной стражи — отра-

---

¹ от нем. sterben — умереть.

жать нападения, а не предупреждать». И первое, и особенно второе высказывание были более чем спорными, Йорген сам это понимал как никто другой. Однако помогло. Всех встреченных во тьме сироток с тех пор приканчивали на месте осиновым колом — и ни разу не просчитались, убив по ошибке человека вместо шторба. Поганые твари быстро сориентировались и сменили тактику, стали нападать в открытую, небольшими группами до пяти особей (большее количество шторбов взаимодействовать не в состоянии, обязательно перегрызутся меж собой). За отсутствием «добрых горожан» набрасывались на патрульных — тут начинал действовать второй принцип Йоргена фон Рауха. Отражать вампирскую атаку стражи умели в совершенстве. Вот и на этот раз справились без затруднений.

После гифты и четырех шторбов была еще одна тварь, только совсем незнакомая, имени не имеющая. Такие хуже всего — не знаешь, чего от них ожидать. Как выглядела? Вполне терпимо. Как обычный вервольф, но начисто облысевший. А может, это именно он и был, потому что серебро против него действовало безотказно. Прикончили гада за несколько минут, и остаток дежурства провели без происшествий.

Вернувшись в казарму и наскоро перекусив, Йорген забрал раба из карцера и водворил в свои апартаменты. Спросил его голосом, ничего доброго не сулившим:

— Бежать попытаешься?

— Нет, — обреченно откликнулся раб и утомленно прикрыл глаза.

Вообще-то ночь в казарменном карцере он провел совсем неплохо, куда лучше, чем на складе, до отказа набитом стонущим, надсадно кашляющим, громыхающим колодками, плачущим или бранящимся на всех языках мира живым товаром.

Это было тесное, сырое и холодное помещение, но с отдельной лежанкой и особым отверстием для нечистот в углу. Через маленькое окошечко в кованой двери ему просунули миску с горячей кашей — гораздо более полную, чем можно было ожидать, учитывая неподдельный интерес рыжего конвоира к ее содержимому. Хватило, чтобы наесться досы-

та. Но даже не это было главное. Впервые за последние полгода он остался *один*.

Когда-то в заоблачно далеком, счастливом прошлом они с друзьями взялись рассуждать о том, какие из наслаждений плоти (о духе и речи не заходило, дух считался субстанцией неизмеримо более высокого порядка) способны принести мыслящему созданию наибольшую радость. Упоминалась и чистая любовь, и вкушение лакомых яств, и омовение тела в ароматных водах беломраморных купален...

Справить нужду в уединении, без посторонних глаз — вот что было для него теперь истинным блаженством.

Однако за удовольствия приходится платить. И если рассуждать здраво, не прислушиваясь к голосу измученного тела, лучше бы ему оставаться на складе. При всех минусах тамошнего тягостного существования имелся один большой плюс: от хозяина-торговца был шанс сбежать.

Он не знал, кто таков его новый владелец и чего от него ждать. Но что-то подсказывало: от этого не сбежишь, этот из-под земли достанет. Нет смысла рваться, по крайней мере в ближайшие дни. Возможно, потом, когда к его покорности привыкнут и ослабят охрану...

Вот почему он честно ответил «нет».

— Ну и прекрасно, — кивнул хозяин и как был в сапогах и теплой куртке, так и повалился на резное ложе, застланное богатым покрывалом из темного бархата. — Отдыхай пока, проснусь — придумаем, что с тобой делать...

Заснул он мгновенно.

Медленно шло время. Усевшись в углу, прямо на пол — это уже вошло у него в привычку — раб разглядывал спящего.

Тот был молод — может быть, моложе его самого, теперь это стало особенно заметно. Красив, пожалуй, очень, но странен. В тонком лице явственно проглядывали нечеловеческие черты. Дышал неслышно, лежал так расслабленно, что казался убитым. Темные волосы разметались по шелковой подушке. Правая рука свесилась до пола, рукав закатался, обнажив аристократически тонкое, но крепкое запястье. Голова чуть запрокинулась, ворот распахнулся, и видно стало беззащитное горло.

Раб улыбнулся. А что, если взять во-он тот кинжальчик с костяной рукоятью, столь беспечно брошенный на столе, подкрасться и полоснуть поперек... Тихо, никто снаружи не заметит даже. И — свобода!!!

Увы, это были только мечты. Полгода назад он, пожалуй, решился бы на попытку воплотить их в действительность. Но жестокая жизнь успела многому его научить. Он чувствовал: мирный облик обманчив, и спящий опасен, как дикий северный хищник. Скорее всего, он даже приблизиться к себе не позволит, звериным чутьем уловив опасность, а если и позволит, то только затем, чтобы голыми руками свернуть врагу шею.

Просто ради интереса раб потянулся к столу. Хозяин, не открывая глаз, повернул голову. Сел на место — хозяин снова замер. Даже во сне он оставался настороже.

Но когда спустя несколько часов в комнату шумно ввалился некий кавалер блистательного вида, спящий даже не шелохнулся.

Вошедший был молод, но заметно старше ланцтрегера фон Рауха, высок и статен. Одет роскошно до невозможности: сиреневые облегающие штаны, серого бархата мужской жакет с широчайшими рукавами и длинный, почти до пола, опелянд¹ из драгоценной серебряной парчи, отороченный мехом. Только заляпанная грязью простоватые сапоги портили картину, но кавалера это не смущало, он выглядел абсолютно уверенным в себе человеком. И вел себя по-хозяйски, без малейшего стеснения.

Прошагал через комнату к ложу, оставляя на полу ошметки рыжей глины. Критически оглядел спящего, пробормотал неодобрительно: «Та-ак...» Потом вдруг резко обернулся, будто только теперь заметил постороннего:

— А ты кто такой?! Что здесь сидишь?

— Я раб. Вчера ночью куплен.

Красиво изогнутая бровь кавалера удивленно поползла кверху, видно, и ему в голову пришел тот же вопрос — зачем? Но задавать его невольнику он не стал, только бросил с досадой:

---

¹ длинное широкое одеяние с рукавами клеш, типа плаща.

— Если раб, что же ты даже сапоги с него не снял?

— Велено не было!

Ах, как нелегко дался ему этот смиренный ответ! Нет, не свыкся он еще с униженным своим положением. Одна мысль о том, что ему, будто ничтожному слуге, придется снимать с кого-то сапоги, заставила сердце бешено заколотиться от ярости. Бледные от пережитых страданий щеки полыхнули огнем... «Как последнему слуге!» — стучало в висках... Хотя почему «как»? Нет, не слуга он, но хуже слуги! Тот, по крайней мере, свободный человек, сам избравший свою долю. А он — раб. Ничтожество. Бессловесный скот: продали, обменяли, убили, как будет угодно господину...

— «Не велено!» А догадаться не мог?! — рассердился вельможа, и рабу показалось, что его сейчас ударят.

Но удара не последовало. Вместо этого кавалер сам стянул со спящего обувь, вытряхнул его из куртки, накрыл меховым одеялом. Действовал он очень ловко, уверенно и в то же время бережно, чувствовалось — не впервой. Даже не проснулся хозяин, только промычал тихо:

— Мм?

— Да ладно, спи уж! — махнул рукой блестящий кавалер и удалился, обронив на пороге: — Позже зайду.

...Прошло еще сколько-то часов. Белое, по-весеннему слепящее солнце заглянуло в комнату сквозь узкое стрельчатое окно. С улицы донесся немелодично дребезжащий колокольный звон. Значит, перевалило за полдень. Йорген фон Раух заставил себя пробудиться. Вставать не хотелось. Несколько минут он лежал в полусне, стараясь сообразить, отчего ему вдруг так хорошо и приятно. Потом заметил отсутствие сапог и куртки на теле и пришел к верному выводу.

— Дитмар заходил? — дружелюбно спросил он у раба.

Тот постарался, чтобы голос его звучал как можно более равнодушно и холодно:

— Был человек, высокий, богато одетый, имени не назвал.

— Дитмар, — удовлетворенно кивнул Йорген. — Велел передать что-нибудь?

— Сказал, что позже зайдет, — не меняя тона, ответил раб.

Держался он нагло, почти вызывающе. Пожалуй, стоило бы запустить в него сапогом, чтобы научился понимать свое место, но шевелиться было лень.

Тем паче что лагенар фон Раух оказался легок на помине. Вошел, как всегда, без стука и приглашения, такая уж у него была манера. Уселся рядом на постели.

— Ну что, выспался наконец? Я к тебе заходил уже...

— Нет! — заявил Йорген обиженно, бросил на брата полный незаслуженной укоризны взгляд. — Чтобы наконец выспаться, мне нужны как минимум сутки! А не пять часов после восхода!

Похоже, старший фон Раух собирался сказать в ответ что-то язвительное, но всмотрелся пристально в лицо брата и спросил с неподдельной тревогой:

— Слушай, может, тебе лекаря позвать?

— Зачем? — искренне удивился Йорген.

— Вид у тебя что-то бледный.

— Естественно! Это все ваш окаянный турнир! До сих пор в себя не приду! — Как многие из младших братьев, Йорген был убежден: на то и существуют старшие, чтобы можно было иной раз покапризничать. — Имей в виду, если тебя подослали, чтобы вытащить меня на бал...

— Ну конечно! — недослушав, ухмыльнулся Дитмар. — При чем тут упыри, вервольфы и прочие порождения мрака?! Милые придворные увеселения — вот причина подорванного здоровья ланцтрегера фон Рауха! Так и напишем в некрологе!

Тут упомянутый ланцтрегер напустил на себя вид оскорбленного достоинства, а Дитмар продолжал уже менее уверенно:

— И балы тут вовсе ни при чем. Меня отец прислал. Он хочет, чтобы ты женился.

— Я?! — Йорген бессильно упал на подушки. — Почто вдруг такая немилость?

— Есть выгодная партия, за невестой дают много земли. Получишь титул шверттрегера. Вот.

Некоторое время братья напряженно молчали. Дитмар выглядел виноватым, Йорген же смотрел на него так, что и без слов становилось ясно: «Лишь потому, что ты мой старший брат, любимый и безмерно уважаемый, я не стану оскорблять твой слух сравнениями. В противном случае ты непременно узнал бы, что титул шверттрегера — последнее, что заботит меня в этой жизни, и идти ради него на такие невыносимые жертвы я не намерен!»

Наконец старший не выдержал:

— Ну что молчишь? Как мне ответить отцу?

— Скажи ему... скажи ему... О! Скажи, я решил посвятить жизнь служению Девам Небесным и дал обет безбрачия.

— Ты?! Девам Небесным?! — ухмыльнулся Дитмар скептически. — И полагаешь, отец в это поверит? Он у нас еще не настолько стар, чтобы выжить из ума.

— Да, — печально признал Йорген, — не поверит. Тогда ты меня сам спаси как-нибудь. Все равно я жениться не стану. По крайней мере в ближайшие годы.

— Что ж, так я и думал, — безнадежно вздохнул старший брат.

ГЛАВА 3,

из экскурсов в прошлое состоящая

Затмилась перед ним природа.
Прости, священная свобода!
Он раб.

А. С. Пушкин

Дитмар фон Раух, лагенар Нидерталь, удалился озабоченный. Он чтил отца своего, ландлагенара Рюдигера, сводного брата Йоргена любил как родного и очень досадовал, что эти двое никогда не ладили.

Так повелось издавна.

Дитмар хорошо помнил тот хмурый ноябрьский вечер, когда Йорген появился в их доме.

Еще не началась война с ночными тварями, и даже маленькие дети могли гулять по двору до темноты, поэтому он первым заметил пришельцев из окошка бойницы (залезать и глазеть в которое ему, к слову, запрещалось — чтобы не вывалился). Две высокие фигуры в рогатых нифлунгских плащах быстро приближались к воротам их замка по мосту, несмотря на поздний час не разведенному на ночь. Нифлунгам приходилось бывать в доме отца, но на этот раз Дитмар словно почувал что-то необычное в их появлении. Он отбросил любимую палочку-лошадку и опрометью кинулся не к нянькам даже — напрямик к отцу, которого в другом, более рядовом случае ни за что не решился бы побеспокоить. Он бежал — а вслед неслись глухие удары дверного молота. И страшно было почему-то, будто гонится кто-то, вот-вот схватит...

Выслушать сына отец не пожелал, отослал прочь, а когда минутами позже к нему явился с докладом привратник, с недовольным ворчанием пошел навстречу незваным гостям, Дитмар незаметно увязался следом, подглядел, подслушал, что было там, у ворот.

— Кто такие? Чего надо?! — бросил отец резко, в последнее время он был не в духе, и Дитмару от него доставалось, и слугам, все старались держаться подальше.

Но пришельцев его тон не смутил, они и сами умели огрызаться.

— Тебе, человек, необязательно знать, кто мы! — неприятно усмехнулся один, хищно растягивая тонкие губы. — Твое дело — вот! — Он распахнул плащ.

Там, под плащом, шевелилось что-то маленькое, живое. В сгустившихся сумерках видно было плохо, Дитмар вытянул шею от любопытства и чуть не вывалился из своего укрытия за башенкой.

— Забирай, человек! Это твой сын. Веннер эн Арра его имя. Матери он надоел, придется тебе, человек, исполнять отцовский долг. Пусть растет у тебя... Кусачий, зараза! — Нифлунг энергично потрянул когтистыми пальцами.

Не дав отцу опомниться, он сунул ему свою ношу, круто развернулся и зашагал прочь.

Отец что-то заорал вослед, держа ребенка за шиворот и размахивая им в воздухе, но поздно — пришельцы канули во тьму.

Так Йорген — ландлагенар фон Раух сразу же дал новообретенному отпрыску человеческое имя — вошел в их жизнь. И несмотря на его хищный нрав, Дитмар был даже рад появлению маленького брата. Хоть какое-то разнообразие в непроходимой скуке жизни, хоть кто-то мог скрасить его одиночество.

Матери у Дитмара считай что не было никогда. Говорили, померла родами. Но он знал, слышал от перепившего отца оруженосца Фольца — не померла вовсе, а сбежала с каким-то заезжим менестрелем, потому что замуж за отца была отдана не по любви, а по родительскому обету, против своей воли. Первенца ее растили няньки. Все они, как на подбор, усердием не отличались, и маленький Дитмар большей частью был предоставлен самому себе. Отцу, тогда еще очень молодому, до него тоже было мало дела, находились заботы поважнее, да и не мужское это занятие — возиться с малыми детьми. Наверное, он все же любил сына, как-то посвоему, но выразить чувства не умел.

Все изменила война, а до нее Дитмар рос заброшенным и диковатым, хоть и носил гордое имя фон Раух, но мало чем отличался от простых дворовых мальчишек, с которыми и рад был бы свести дружбу, да запрещалось под страхом великой порки.

А Йоргена первое время как брата не воспринимал, он казался ему кем-то вроде злобной зверушки, только что принесенной из леса. Говорить по-человечьи Йорген не умел (скорее в силу возраста, а не воспитания), да и не походил на человека вовсе. «Вылитый нифлунг, по виду и не догадаешься, что полукровка! — судачили няньки. Прибавилось им, бедным, работы! — Кормить и то страшно, — жаловались, — того гляди, палец оттяпает!» И хихикали, воображая, что их никто не слышит: «Весь в папашу уродился норовом-то, даром что мать другой породы!»

Так было сначала, но время делало свое дело. Года не прошло, как Йорген перестал прятаться по темным углам и

беззвучно плакать сутки напролет, яростно ломать игрушки, которые из интереса подсовывал ему Дитмар, и царапаться в руках нянек. Он выучил человеческие слова, даже те, что детям знать не следовало вовсе (это уж кое-кто нарочно позаботился), и стал вполне приличным младшим братом. «Не хуже, чем у людей!» — гордился старший, покусанный, поцарапанный, но вполне довольный новой жизнью.

Дрались они, как водится между братьями, часто, по всяким пустякам. Дитмар всегда побеждал и считал это в порядке вещей — он же старший! Но однажды...

Если вы не хотите, чтобы мальчишки чего-то натворили, не надо им этого запрещать. Трудно сказать, что именно подвигло ландлагенара Норвальда, дотоле весьма далекого от домашнего хозяйства, однажды призвать сыновей и торжественно, строго-настрого наказать им ни под каким видом не лазить в большую кладовую, ту, что сразу за поварней. Прежде им такое и в голову не приходило — чего они там забыли? Чем-чем, а едой в отчем замке дети в ту мирную пору обделены не были, еще и уговаривать за столом случалось, дескать, ешь скорее, не то какой из тебя воин вырастет! Но после отцовского предупреждения, конечно, полезли! Из любопытства: что там такое тайное сокрыто?! Йорген позади, а Дитмар, как старший, впереди... Шагнул в темноту, споткнулся, полетел. Рухнул во что-то гадкое, скользкое, мокрое и колючее... Корзина с тремя сотнями яиц стояла на полу в темной кладовой — ландлагенар задумал устроить пир в честь новой возлюбленной (будущей матери Фруте). Понято, что от них осталось после эффектного приземления старшего отпрыска благородной фамилии!

Перепачканного желтком, облепленного скорлупой, опозоренного навеки Дитмара старший повар за ухо поволок к отцу — на расправу. Йорген увязался следом, он давно взял за привычку всюду хвостом ходить за старшим братом.

Ландлагенар был в ярости! До нового сбора оброка еще две недели, последние деньги ушли на покупку верховых лошадей гартской породы — никакой возможности восполнить ущерб! А он-то задумал удивить гостей новомодным ледяным лакомством, рецепт которого совсем недавно вызнал

один из его поваров, напоив до полусмерти кашевара, состоявшего при богатом обозе восточных торговцев (тех самых, что торговали промеж всего прочего гартскими скакунами). И если прежде Рюдигер фон Раух, ландлагенар Норвальд относился к воспитанию сыновей без должного внимания, лупил только для порядка, не всерьез, то теперь ярость взяла верх над родительской любовью и легкомыслием молодости. Тяжела была отцова рука, страшна двуххвостая ланкерская плеть. Досталось бы Дитмару, ох досталось бы!

Свистнули в воздухе узкие кожаные ремни. Хлестнули по телу, разрывая плотную домотканую холстину рубашки и кожу на спине. Дитмар взвизгнул, сжался в ожидании нового удара... Но его не было. Йорген висел на руке отца, впившись в нее всеми зубами и когтями, струйками стекала на пол кровь. Ландлагенар орал от боли — и не только, он был перепуган не на шутку, он тряс рукой, стараясь освободиться, тянул сына за шиворот, потом принялся колотить куда попало — бесполезно. Тот не ослаблял хватки, вгрызался все глубже. Трудно сказать, чем кончилось бы дело, кто кого убил бы, не подоспей Дитмар на выручку. Как удалось ему отодрать младшего брата от его жертвы — он потом не мог вспомнить. Вроде бы кричал что-то, тянул, уговаривал... Разнял, слава Девам Небесным. Но отношения между ландлагенаром и вторым его сыном с тех пор оставались, мягко говоря, натянутыми.

Все изменилось с приходом в дом третьей жены отца. Это была удивительно добрая и мудрая женщина. Не знавшие материнской ласки братья привязались к ней как к родной. Она же не уставала внушать буйному своему супругу и подчеркивать при каждой возможности: все его мальчики одинаково хорошие и милые, все трое заслуживают любви в равной мере. И надо же — убедила! Воистину вода камень точит!

Вряд ли в ее положении на подобное великодушие способна была бы женщина-человек. Та наверняка приложила бы все усилия, чтобы известить старших пасынков и сделать наследником собственного сына — история знает множество подобных примеров. К счастью, любил ландлагенар Рюдигер разнообразие! Третья жена его, леди Айлели, принад-

лежала роду светлых альвов, а у тех, как известно, совершенно иная система ценностей, нежели у людей или нифлунгов, и меркантильная сторона жизни их мало тревожит. В отличие от стороны духовной.

Именно усилиями доброй мачехи братья Дитмар и Йорген овладели таким множеством наук и искусств, что стеснялись признаваться в этом на людях из опасения, что приятели станут дразнить их «писарями». Притом Дитмар больше преуспел в изящных искусствах: слагал милые вирши, музицировал и танцевал не хуже настоящего альва, тем самым снискав себе славу при дворе. Как обстояли дела с танцами у брата его, мы уже упоминали. Когда же тот пытался (не по своей воле, понятно, сзади отец с плетью стоял) музицировать — бедная, чувствительная Айлели плакала. С рисованием дело обстояло лучше, при желании (крайне редко возникающем) Йорген мог изобразить неплохой пейзаж или батальную сцену. Единственное, не удавалось ему передать портретное сходство. Чей бы образ ни собирался он запечатлеть — юной ли девы, престарелой матроны либо благородного кавалера, — результат оказывался неизменен и с листа на горе-рисовальщика глядела туповатая, сонная физиономия младшего конюха Фроша. Зато науки давались Йоргену гораздо легче, чем старшему брату. Однако наставница не видела в том особой его заслуги и объясняла успехи пасынка природной склонностью, унаследованной от матери-нифлунги, но отнюдь не усердием и прилежанием.

К слову, родной ее сын, пятнадцатилетний Фруте, боген-трегер Райтвис, намного превосходя Дитмара в искусствах и почти не отставая от Йоргена в науках, оказался совершенно непригоден к воинскому делу. Ландлагенар Рюдигер был тем весьма удручен. Любящие братья всеми силами пытались исправить положение: всякий раз наезжая в родительский замок, гоняли мальчишку до посинения, как последнего новобранца. Бедный Фруте старался изо всех сил, не отлынивал, не роптал, но, увы, был неисправим. И что удивительно, мать его это нисколько не печалило! Право, странный они народ — светлые альвы! Но говорить об этом

вслух не стоит, дабы не навлечь на себя гнев королевского правосудия.

Иной раз Дитмар втайне задумывался: не права ли народная молва, согласно которой светлые альвы — все до единого — управляют тайными силами не хуже ученых магов и колдунов? Как иначе, если не чарами, можно объяснить то огромное влияние, что оказывала нежная, тихая и робкая Айлели на своего неукротимо-буйного и своенравного супруга? Взять того же Йоргена. До последнего своего брака ландлагенар Рюдигер в лучшем случае не замечал второго сына вовсе, в худшем — разговаривал с ним на языке поясного ремня и конской плети, которую выпускал из рук разве что за столом. Леди Айлели сумела повернуть дело так, что супруг ее стал для Йоргена настоящим отцом, искренне желающим сыну добра.

Одна беда — представления о добре у отца с сыном всякий раз оказывались диаметрально противоположными. Поэтому избежать стычек все равно не удавалось. И Йорген как-то признался брату, что, наверное, было бы лучше, если в их отношениях с отцом все оставалось по-старому. Лично ему было бы проще жить. Гораздо легче порвать навсегда с человеком, которому ты ненавистен или хотя бы безразличен, чем с тем, кто тебя любит.

— Ты что, серьезно намерен порвать с отцом?! — испугался тогда Дитмар.

— Нет, конечно! — сердито ответил Йорген. — Это я так, к слову.

И все-таки у старшего брата с тех пор было беспокойно на душе, опасался, как бы слово однажды не переросло в дело. И предстоящий скандал из-за женитьбы мог это дело очень даже ускорить.

Вот почему, танцуя вечером на балу (королевские балы редко ограничиваются одним днем), лагенар Дитмар фон Раух был, против своего обыкновения, так тих и скучен. Он обдумывал предстоящий разговор с отцом, который решил начать со слов: «Ответь мне, почтенный отец, почему ты ждешь от моего брата Йоргена послушания в том вопросе, в котором сам не слушал никого?»

Ланцтрегера Йоргена, в отличие от старшего брата, известие об отцовых намерениях отнюдь не смутило. Следовать им он не собирался из принципа, пусть даже невеста оказалась бы первой красавицей королевства. Вот если бы он *сам* ее выбрал — тогда другой разговор. Но позволить другому человеку, пусть даже близкому, вмешиваться в столь личные сферы его жизни — нет, нет и нет! Не бывать тому! Да и на красоту невесты, к слову, рассчитывать не приходится: будь она хороша собой, родственникам не было бы нужды завлекать женихов богатым приданым и титулами...

Отец, конечно, будет в бешенстве. И содержания, и без того давно урезанного, лишит вовсе, придется довольствоваться скромным жалованьем за службу. Наплевать! Пусть некоторые кривятся, но он, Йорген фон Раух, любит казарменную еду. Каприз у него такой.

И есть еще Дитмар, любящий и заботливый. Даже если он вдруг не сумеет урезонить отца, то впасть в нищету младшему брату точно не позволит. В общем, переживать не о чем, можно заняться вещами более интересными. К примеру, выяснить наконец, кто таков появившийся у него раб, и решить, что делать с ним дальше.

Раб сидел в своем углу с видом угрюмым и подавленным, обхватив руками согнутые колени, уронив голову на грудь. Еще никогда в жизни не было ему так скверно.

Через многие унижения довелось ему пройти в последнее время. Разбойники, хохоча, срывали с него одежды. Торговцы лезли грязными пальцами в рот проверять состояние зубов. Надсмотрщики подстегивали плетками, как скотину, чтобы пошевеливался. На хаальском рынке к нему приценился покупатель-извращенец — чудом спасся, догадавшись изобразить падучую болезнь, за что был потом бит нещадно в кровь... Казалось бы, куда хуже? Оказалось — есть куда.

В памяти до боли ярко всплывали картины далекого безмятежного детства. Виделась мать, молодая, идет она по улице в тунике дорогого шелка, но скромного покроя: закрыты колени и локти, волосы убраны под накидкой. Почтенная матрона, благочестивая супруга государственного

судии, пример для всего города. И она же — в их доме. Лежит в ароматной мраморной ванне, совершенно нагая, а рядом — два раба-северянина с белыми опахалами...

Другой эпизод. Мать ведет его за руку по улице... Куда идут, зачем? Этого он не знает, и это ему неинтересно, его заботит иное: возникла нужда, требующая полного уединения. Всего несколько дней назад он поступил бы просто и естественно. Но как раз накануне его призвал отец и торжественно объявил, что он не младенец отныне и, помимо прочих обязательств, накладываемых возрастом, должен скрывать свои природные потребности от посторонних глаз.

Тогда он был в восторге от отцовских слов, но теперь впал в полнейшую растерянность. С одной стороны, нужда одолевала все сильнее, и он понимал, что не вытерпит. С другой — хоть и была пустынной та улица, никак не удавалось улучшить момент, чтобы поблизости, в поле зрения, не оказалось *вообще никого*. Не зная, как поступить, он со слезами пожаловался матери.

— Зачем так переживать, сын мой? — удивилась она. — Принеси себе облегчение прямо сейчас.

— Но как же, матушка? — со слезами прохныкал он. — Вон человек идет... И там тоже! Они меня увидят! Отец будет сердит!

— Ах, глупый мой маленький сын! — рассмеялась мать с умилением. — Разве это люди? Это же просто рабы! Рабов не надо замечать. Ты же не станешь стесняться кошечки, или собачки, или ослика на улице?..

Сегодня он впервые почувствовал себя *рабом*. Раньше это было лишь слово. Его взяли в плен в бою, с ним обращались как с пленным — обирали, били, сажали на цепь, гнали в чужие земли, стерегли неусыпно, чтобы не сбежал... Он и подобные ему были постоянно в центре внимания. И пусть *такого* внимания не пожелаешь и врагу — человеческого достоинства он не был до конца лишен.

Эти же двое — новый владелец и его брат — воспринимали его именно как раба, в полном смысле этого ужасного слова. И вели себя соответственно. Они его не замечали. В его присутствии шел сугубо приватный разговор, будто и не

было рядом незнакомого, постороннего человека, а так, собачка или ослик...

Многое, многое успел он пережить. Держался. Надеялся. Не позволял себя сломить. Но теперь ему хотелось одного — лечь и умереть.

ГЛАВА 4,

в которой Йоргену фон Рауху сначала долго не удается познакомиться с собственным рабом, а потом он попадает в очень большую неприятность (хотя это еще мягко сказано!)

Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет.

А. С. Пушкин

О том, что человек в углу смертельно оскорблен их поведением, Йорген фон Раух даже не подозревал. А если бы знал — трудно сказать, как бы себя повел. Возможно, продолжал бы игнорировать, уже нарочно: подумаешь, важная персона, вниманием его обошли! Но не исключено, что поспешил бы загладить вину, потому что на самом-то деле зла рабу вовсе не желал и ничего дурного в виду не имел. Просто на момент разговора с братом был еще не вполне пробудившись и о присутствии постороннего как-то не подумал.

Не догадываясь об истинных причинах подавленного состояния своего невольника, он приписал его удрученный вид голоду и первым делом спросил участливо:

— Эй, может, ты есть хочешь? Тебя накормили или этот паразит Вольфи сам все сожрал?

— Нет, — мертвым голосом откликнулся раб.

— Что «нет»? — не понял Йорген. — Не хочешь есть или не накормили?

— Я сыт.

— Уже легче, — обрадовался начинающий рабовладелец. И, оживив в памяти страницы знаменитого трактата Терция Карра «О домоустройстве», добавил назидательно: — Вообще-то, по-хорошему, ты должен всякий раз говорить мне

«мой господин». В смысле «нет, мой господин», «я сыт, мой господин». Так полагается.

Он не ожидал, что замечание, с его точки зрения вполне невинное, вызовет столь бурный эффект. Человек, до сих пор сидевший неподвижно, безучастный, как живой мертвец, вдруг дернулся будто от удара, подался вперед всем телом, вскинул глаза и заговорил решительно и, пожалуй, слишком выпендренно для своего незавидного положения:

— О северянин! Я знаю, что нахожусь всецело в твоей власти. Ты можешь сотворить со мной что твоей душе угодно. Можешь избить меня плетями, лишить пищи и сна, обременить непосильным трудом, убить собственной рукой или заставить умереть от страданий плоти и духа. Но я никогда, никогда, слышишь... — тут голос его некрасиво сорвался, — я даже под страхом смерти не назову своим господином никого, кроме родного моего отца, государственного судии, и его величества императора моей страны, которому присягнул на верность.

— Ну ладно, не называй, если для тебя это так принципиально, — пожал плечами ланцтрегер. Признаться, он был порядком озадачен столь нездоровой реакцией собеседника. — Стоит ли помирать из-за такой малости?

Правду говорил торговец, неудачный ему достался раб. Нервный слишком. И чего ради связался? Только последние деньги зря выкинул...

— Тогда имя свое мне хотя бы скажи наконец! Это твоим жизненным принципам не противоречит?

Ха! Как бы не так!

— Мое имя умерло вместе с моей свободой! — последовал гордый ответ.

— Ну ты и зануда!!! Обалдеть! — присвистнул ланцтрегер едва ли не с восхищением.

Увы, не одна только светлая альва обучала его в детстве манерам. До нее имелся другой наставник, куда более успешный, — младший отцовский оруженосец Бирке. Бедная Айлели приложила немало усилий, чтобы искоренить его науку, но тщетно. В моменты разного рода душевных пе-

реживаний оба ее высокородных пасынка начинали вести себя «не лучше обозных маркитантов».

— ...И как прикажешь к тебе обращаться?

— Как вам будет угодно! — надменно бросил раб и отвернулся.

Некоторое время в душе Йоргена фон Рауха боролись два противоречивых желания. Просто руки чесались — и это как нельзя лучше соответствовало бы духу и букве трактата «О домоустройстве» — встать и отходить наглого раба сапогом по голове, чтобы знал впредь, как подобает себя вести человеку его положения. И в то же время он был ему если не симпатичен, то по крайней мере интересен, досадно было начинать знакомство с побоев. Хотелось обойтись без них.

Второе желание победило. Оставив мысль о сапоге, Йорген заговорил примиряюще:

— Послушай. Я тебя понимаю: не хочешь позорить имя предков и все такое. Но ведь кроме родового есть у тебя личное имя? Его-то ты можешь назвать? Или предлагаешь кличку тебе дать? Будто ты не человек, а бессловесная скотина?

Так уж повелось, что в доме ландлагенера Рюдигера фон Рауха слуг всегда нанимали и никогда не держали невольников. Поэтому тонкости общения с последними были Йоргену неведомы. Он и не подозревал, что слова его, казалось бы вполне дружелюбные, ударят в самое больное место. Нервы раба, измотанные до предела невзгодами и страданиями, не выдержали. Он уронил голову на колени и разрыдался глухо и страшно.

Это была форменная истерика, не дамская, с визгами, хохотом и всхлипами — мужчины плачут иначе, — но все равно истерика. Йорген знал, как это бывает: видел он и новобранцев на поле боя, и стражей на первом дежурстве, когда лезет ночная нечисть из всех щелей и кажется, нет от нее никакого спасения. А горше всего рыдают, проспавшись, мужики, обманом завербованные из дальних мест, по пьяному делу поставившие роковой крестик в бумагах. Плачет, воеет человек, волосы на себе рвет, уже и рад бы остановиться — а не может справиться с собой. Значит, надо такому человеку помочь. И

способ есть только один, душевными разговорами тут не обойдешься.

Йорген фон Раух поднялся наконец со своего ложа, подошел к страдальцу и пустил-таки в ход сапог. Прямо по шее, с размаху.

Помогло!

Слезы на глазах раба высохли моментально. Ненависть вспыхнула в них: «Да, я перестал быть человеком, я стал бессловесной скотиной без имени и чести, и будьте прокляты вы все, приложившие руку к этому превращению!»

— Ну что, легче стало? — участливо поинтересовался Йорген. — А хочешь выпить? Смотри, что у меня есть! — Он с головой нырнул под свое ложе, из пыльных глубин извлек запечатанный терракотовый кувшинчик, южным своим видом живо напомнивший рабу его родные края. — Вот! Это тебе не пиво какое-нибудь! Вино настоящее, из силовийских земель! Налью?

Раб молча кивнул. Проклятие так и не сорвалось с его губ. И новый владелец — взъерошенный, с клочьями паутины в волосах — вдруг перестал казаться воплощением всех земных зол. Ненависть ушла — осталась лишь усталость.

— Ну, за знакомство?

Раб согласно кивнул, медленно наполнил рот чудесным вином, терпким и сладостным, как воздух утраченной родины.

Ланцтрегер тоже отхлебнул из своей кружки, глиняной, грубой, для благородного напитка совершенно не подходящей. Проглотил, не поморщившись, но губы облизнул брезгливо, потому что вина на самом деле не любил, просто знал, чем можно соблазнить южанина, сделать ему приятное. Поставил кружку прямо на пол и объявил:

— Меня зовут Йорген фон Раух, ланцтрегер Эрцхольм. Ты уже слышал, наверное... — Задавать вопросы он больше не решался.

— Мое имя Кальпурций Тиилл, — глядя ему в глаза, назвался раб.

Вот так и состоялось это знакомство, об исторической важности которого не догадывалась пока ни одна живая душа...

Хорошо, что он умел владеть собой и скрывать эмоции. Хорошо, что именно в этот момент явился рассыльный с приказом, предписывающим начальникам гарнизонов Ночной и Дневной стражи срочно явиться во дворец. Задержись он на минуту — и упомянутое выше полезное умение могло Йоргену фон Рауху изменить. Не сдержался бы, расхохотался в голос — и вышло бы так неловко!

Очень уж забавным показалось ему имя нового знакомого. Такой представительный парень, с такими горделивыми манерами и трагической судьбой — и вдруг Кальпурций! Глупо звучит, рождает телячьи ассоциации¹. «О чем только думала его мать, нарекая сына? — такой вопрос задал себе Йорген и сам же на него ответил: — Да уж конечно не о том, что сын ее окажется проданным в рабство на далекий Север! Силонийцы же его имя наверняка считают вполне благозвучным и благородным, за что же упрекать бедную женщину?»

— Я буду звать тебя Тиилл, не возражаешь? — спросил он у раба на прощанье. — Для северного слуха привычнее звучит... Я теперь не вернусь до завтрашнего утра, поешь тебе принесут. Вино, если хочешь, допей... Спать ложись на кровати, чего ей пустой стоять?.. Что еще? Да, вон там, в сундуке, книги, можешь пользоваться. — Соотечественнику он подобного предложения никогда не сделал бы из опасения показаться странным. Но уроженцы просвещенной Силонии — люди иного склада, для них чтение — это привычное удовольствие. — Главное, на виду не оставляй, прочитал — и спрятал. А то еще прослышем с тобой чернокнижниками!.. Ну, до встречи!

И снова Кальпурций остался один. И было это весьма отраднo, потому что давало возможность в тиши и покое обдумать собственное положение, оказавшееся не совсем таким, как представлялось вначале.

Ланцтрегер — так, кажется, звучал его титул? Йорген почему-то обращался с ним не как с рабом (если не считать того удара сапогом по шее, положила руку на сердце вполне заслуженного), а как с желанным гостем. Почему такая любез-

---

¹ K a l b — теленок (*нем.*). -б (-п) — парные согласные, близкие по звучанию в языке Эренмарка.

ность? Чего он от него хочет? Эти вопросы не давали Кальпурцию покоя, он отвык ждать от людей добра, во всем подозревал подвох. Долго перебирал в уме варианты, гадал, чем может быть полезен новому хозяину. Возможно, тот, проведав о высоком положении его отца, судии Вертиция Тиилла, решил вернуть ему сына за богатый выкуп? Или вознамерился просто перепродать подороже, предварительно откормив? Или, наслышанный о хитроумии и учености силовиков, хочет воспользоваться этими его качествами в своих тайных целях?

Промучившись не один час и не найдя ответа, Кальпурций махнул рукой на неблагодарное занятие и решил воспользоваться любезным предложением насчет сундука. Открыл кованую крышку и... надолго забыл обо всем на свете. Целый год не держал он в руках книги — жестокое испытание для того, кто прежде и на день с нею не расставался. И не беда, что скромная библиотека северянина его вкусам не соответствовала, поскольку не содержала ни стихов, ни песен, ни античных трагедий. После годового перерыва он и за «Трактат о гадах простых и колдовских» был благодарен до слез. Пусть непривычная, а все-таки пища для ума... Завалился на господское ложе, погрузился в описания саламандр, жаб и гифт, да так и провел полночи, ничего вокруг себя не замечая. А когда стала догорать последняя из оставленных ему свечей, не заметил, как заснул. И все эти жабы, гифты и прочая дрянь теснились смутными образами в его тревожном сне, томили и огорчали.

Но проспал Кальпурций недолго — вернулся с дежурства Йорген фон Раух, и вид у него был самый плачевный. Место пришлось незамедлительно освобождать.

Словно в отместку за недавнюю передышку в эту ночь твари спуска не давали. Примета такая есть, будто воды они не любят, будто смывает чистая природная вода злое колдовство. Отсюда и обычаи все: новорожденных от дурного глаза кропить, молодоженов из серебряного ведра окатывать, покойников обмывать... Переоценивают, пожалуй, ее чудесные свойства!

Дождь лил как из ведра, и не спасали от его ледяных струй даже хваленые кожаные плащи гамбургского пошива — вода просачивалась сквозь швы. Дождь пропитал одежды, сделал их тяжелыми, будто старомодный турнирный доспех, который в наше время годится только для придворных забав. Дождь затек в сапоги и хлюпал в них при каждом шаге. Йоргену казалось, не было бы никакой разницы, заступи они на дежурство совершенно голыми — ни тепла, ни сухости одежда не давала. А еще казалось ему, что если и было раньше у него в крови черное колдовство, от матери-нифлунги унаследованное, то сегодняшней дождь все смыл, сделал его чистым, аки Дева Небесная.

Так шагали они, мокрые, продрогшие и злые, квартал за кварталом, обходя посты. И снова разводящий ворчливо спрашивал своего начальника, какого шута ему под крышей не сидится. И если бы ланцтрегер фон Раух любил красивые слова, он ответил бы: грош цена тому командиру, что отказывается делить с подчиненными все тяготы службы. Недостоин он их преданности и верности. Только тот вправе посылать людей на страдания и смерть, кто сам готов идти с ними плечом к плечу до конца... Но красивых слов Йорген не любил, поэтому отвечал коротко: «Да пошел ты!»

А скоро и вовсе не до разговоров стало — полезли отовсюду целые полчища! И на дождь ночные твари ни малейшего внимания не обращали, будто не с чистых, святых небес вода лилась, а из поганых, гнилых болотищ. Одного гада бьешь — десяток приходит на смену. Какой породы, кто опаснее — разбираться некогда, знай коли, руби да режь.

...Это было нашествие, какого город дотоле не видывал. Весь гарнизон был поднят по тревоге. Не только Ночной — Дневной страже пришлось взяться за оружие в неурочный час (о чем позднее, когда все было кончено, ночные их сослуживцы вспоминали не без ехидства). Простые горожане, способные держать оружие в руках, и те вышли на улицы, чтобы защитить свои семьи. Потому что в дома рвалась голодная нечисть, за добычей вкусной и нежной! Шла волна за волной, будто подгонял ее кто-то злой и могущественный... И ни за что не выстояли бы люди, разделила бы столица

участь приграничного Лобурга, за одну ночь до последней живой души выжранного, если бы твари нападали сколь-нибудь организованно, действовали сообща. К счастью, каждая из них была сама по себе, они, как обычно, и друг дружку норовили сцапать, если выпадала такая возможность. Йорген сам видел, как трое вервольфов потрошили шторба, а тот, уже лишившись внутренностей и ног, все старался дотянуться зубами до ближайшей звериной глотки. Напоследок, что ли, хотел хлебнуть, типа сытому помирать веселее? До того гнусная была сцена, что даже злорадства люди не ощутили — одно омерзение.

...А потом случилось то, отчего у чистокровных людей обычно появляется преждевременная седина в волосах.

Отбиваясь от двоих шторбов, Йорген краем глаза заметил, как третий повалил наземь юного, неопытного Вольфи и уже оскалил пасть над его беззащитным горлом. Йорген подскочил, развернувшись в прыжке, одним ударом снес вражью голову, и она скатилась, подпрыгивая, в сточную канаву, прямо в пасть какой-то везучей гифте. Вольфи был спасен, и еще один шторб убит тем же безотказным приемом. Но последний, прежде чем быть заколотым в сердце, успел сделать свое черное дело. Едва расправившись со вторым противником, Йорген вдруг ощутил резкую боль. Это оставшаяся в живых тварь исхитрилась впиться ему в предплечье.

Он отскочил мгновенно, руку отдернул и шторба тут же прикончил, так что настоящего укуса не получилось. Но от самого локтя до запястья пролегла глубокая кровавая борозда, оставленная длинным, острым, как кинжал, верхним клыком.

А из переулка уже лезла другая нечисть, и некогда было врачевать раны. Да и какой смысл, если от вампирского укуса противоядие не придумано, и пострадавшему остаются только два утешения: надежда да молитва, если он, на свое счастье, верует в Небесных Дев. К слову, ланцтрегер фон Раух если и не отказывался верить в их существование категорически, то к числу сомневающихся принадлежал одно-

значно. И чем больше видел крови на земле, тем больше сомневался.

Уже под утро, когда одни твари попрятались, другие передохли, оттесненные от своих убежищ и застигнутые врасплох рассветом, старший разводящий Кнут спросил своего командира, с которым брел, перешагивая через трупы, в сторону казармы:

— Эй, а что это ты зеленый такой? Уж не ранен ли?

Отвечать Йоргену не хотелось. Совсем. Потому что знал, как воспримет эту новость старый боевой товарищ. Но и молчать нельзя, рано или поздно все равно придется сказать.

— Нет, — сказал он мрачно. — Хуже.

— То есть?!! — Обветренное до кирпичного цвета лицо разводящего вдруг стало белым. Он, конечно, знал ответ, но боялся поверить. — Что значит «хуже»?!!

Йорген усмехнулся:

— *Укусили* меня! Вот! — Он продемонстрировал руку.

— Вервольф? — жалобно, моляще спросил Кнут. От укуса вервольфа иногда помогала повязка, смоченная отваром омелы и волчьего лыка, вовремя наложенная на рану.

— Шторб! — разочаровал его Йорген.

На разводящего страшно было смотреть.

Ланцтрегеру фон Рауху едва минуло семнадцать, когда пал в бою богентрегер Гаген фон Лакс, прежний начальник столичного гарнизона, и его величество ничего лучше не придумал, как поставить на его место «этого сопливого мальчишку с нечеловеческой мордой» — так, не страшась закона, поначалу именовал своего нового командира старший разводящий Кнут. Да, он ему однажды в запале прямо в глаза так и сказал, и не один на один — при всем строе: «Ты, сопливый мальчишка с нечеловеческой мордой, какое право имеешь мне, бывалому солдату, указывать, как караулы расставлять? Тебя еще мамаша понести не успела, а я их уже расставляю!» Все решили — тут и конец пришел Картену Кнуту. В лучшем случае будет бит за дерзость и разжалован, в худшем — может и на плаху пойти.

Но, к всеобщему удивлению, новый начальник не стал обижаться ни на «соплого», ни на «морду», просто обругал

разводящего в ответ «старым ослом, привыкшим воевать, как при короле Густаве учили». Упрек, конечно, был незаслуженным. Во времена Густава, прадеда нынешнего Видара, не только сам Кнут — отец его на свет еще не родился, это любой деревенский дурак должен понимать, не то что отпрыск благородного происхождения! Именно это он и собирался сказать юному ланцтрегеру, но, к своему счастью, не успел. Видно, ослабло действие той органической жидкости, что иногда ударяет людям в голову и делает поведение их, скажем так, неблагоприятным. Разводящий промолчал, юный фон Раух счел инцидент исчерпанным и больше о нем не вспоминал никогда. Но разводящий Кнут — не забыл. Потому что именно в тот день, успокоившись и осознав, какую беду мог на себя навлечь, полюбил нового начальника как родного сына. И потом, в бою уже, тот много раз доказывал, что любви этой достоин как никто другой... Вот почему в голове Картена Кнута вертелась теперь одна лишь отчаянная мысль: «Не уберег!!!» Он знал, каково это — терять сыновей.

— Да ладно тебе! Может, обойдется еще! — тормозил старого друга Йорген. — Смотри, укус неполноценный, слюны почти не попало. И я человек только наполовину, вдруг на нифлунгов вампирский яд не действует?.. Ну что ты меня прежде времени хоронишь? Давай заката дождемся!

Но Кнут был безутешен. От мысли, что ему — а кому же еще? — придется час за часом сидеть и наблюдать, не превращается ли его командир в ночную тварь, и, если чуда не произойдет и превращение состоится, собственноручно убить его ударом осины в сердце, — буквально ноги подкашивались! Не сможет он этого вынести! Легче самому умереть!

— Ну не сможешь, давай брата моего позовем. Пусть он по-родственному... — Так часто бывает, что младшие братья к старшим непреднамеренно жестоки.

Дитмар фон Раух... Он часто забегал в казарму к младшему брату — галантный, ироничный кавалер с прекрасными манерами, всегда роскошно одет, всегда свеж, приветлив и любезен... Кому-то он мог показаться обычным придворным повесой, легкомысленным и пустым... Но Йорген не

раз рассказывал о том, как они воевали вместе у границ, когда из-за Феннийских гор наступала Тьма... Они были почти дети тогда... Да и сейчас они еще совсем мальчишки, оба... Не надо Дитмару такое переживать... Пусть узнает потом, когда все будет кончено...

— Нет уж, лучше я сам... — хрипло выдавил из себя разводящий.

— Слушай! — вдруг радостно хлопнул себя по лбу Йорген. — Забыли мы с тобой! У меня же раб есть! Случись плохое — он меня с большим удовольствием зарежет! Заколет в смысле! Не зря же я на него последние деньги потратил! Хоть напоследок пригодится!

ГЛАВА 5,

в которой Йорген и Кальпурций переживают один из худших дней в своей жизни, но в итоге принимают решение исторической значимости

Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.

А. С. Пушкин

Как ни странно, необходимость утешать старого друга пошла Йоргену на пользу — не успевал думать о собственных горестях.

В казарме стало хуже. Он сколько угодно мог изображать на людях лихого вояку, которому и смерть нипочем, но самого-то себя не обманешь. Страшно было Йоргену, ох как страшно! А хуже всего, что мучиться ожиданием предстояло не час и не два — весь день до заката. Выть волком хотелось, да так сильно, что, укуси его не шторм, а вервольф, непременно вообразил бы, что превращение уже началось.

Немного отвлекли обычные утренние хлопоты: развод, построение, подсчет потерь... Да, потери были как в войну: двадцать человек за ночь убитых, тридцать раненых и покусанных. Не одному Йоргену предстояло «весело» провести этот денек! Как всегда, не обошлось без неурядиц. Состоя-

щую при лазарете кобылу Элоизу, которую предполагалось запрячь в повозку и отрядить с похоронной командой за трупами, еще не вывезенными с улиц, свел под шумок гарнизонный интендант, услав в приписное село за турнепсом. Более подходящего времени не нашел, паразит! Пришлось приспособлять к делу какого-то горожанина с телегой, его, бедного, откуда-то за шкуру приволок разводящий Кнут.

Потом выяснилось, что в лазарете не хватает мест для раненых, а укушенных и вовсе некуда девать. По правилам, их полагается содержать отдельно, но в каморке для заразных всего три койки.

— Как — три койки?! — вышел из себя Йорген, дотеле особого внимания на лазарет не обращавший. — Почему такое безобразие?!

— Да вроде обходились всегда, ваша милость, не требовалось больше, — забормотал лекарь испуганно.

Страх его был вполне оправдан. Чтобы не обременять себя лишней работой, он каждый год сокращал по две-три коечки «за ненадобностью»...

— Не требовалось?! А если моровое поветрие?! Чума, тьфу-тьфу, чтоб не накаркать?! Тогда что?

Лекарь в ответ что-то долго, испуганно и бессвязно бормотал, общий же смысл его оправданий сводился к тому, что «тогда уж нам все одно помирать, в лазарете ли или просто в казарме — без разницы...».

Кончилось тем, что для раненых приволокли соломенные матрасы из спален, укушенных заперли в карцере с двумя бочонками крепкого пива, запасом свежих осиновых колеб и велели друг за другом приглядывать. В какой-то момент у Йоргена мелькнула мысль, что по-хорошему ему следовало бы составить им компанию, но он быстро поладил с собственной совестью, сказав себе, что вовсе не претендует считаться самым лучшим командиром на свете, это было бы слишком самонадеянно и нескромно с его стороны.

Большинство гвардейцев стоически приняли свою судьбу, без ропота спустились в карцер, кое-кто даже пытался шутить. Только одного пострадавшего пришлось волочь силой, он упирался и орал.